

ИЗ ИСТОРИИ УПРАВЛЕНИЯ

К.А. Соловьев

ПРИНЯТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ ВО II ПОЛОВИНЕ XV в.

Вторая половина XV в. — время становления Московского государства во всем многообразии его черт. В отечественной исторической науке тщательным образом изучены те стороны этого процесса, которые связаны с формированием национальной территории; утверждением общегосударственных законов; складыванием управленческого слоя, а также системы органов государственной власти¹.

Но даже самая основательная проработка этих тем не позволяет дать однозначную и лишенную субъективности характеристику системе управления, выстроенной в Московском государстве к началу XVI в. Для одного из современных авторов эта система деспотическая, в которой понимание целей, задач и методов управления было выработано в «степном сообществе», а затем «присвоено» московскими государями². Другой автор считает, что с таким определением системы управления «трудно согласиться» и настаивает на характеристике системы управления как коллегиальной³.

Столь полярные оценки возможны потому, что формы и методы управления в Московском государстве II половины XV в. не становились предметом специального изучения. Со времени выхода трудов В.О. Ключевского и М.Ф. Владимирского-Буданова рассматриваемый здесь период отечественной истории характеризуется как время перехода от удельного управления к государственному⁴. Государственное же управление в трудах историков и юристов второй половины XIX в. понималось, как система органов, занятых в управлении, с одной стороны, и комплекс нормативно-правовых актов — с другой. Этот же подход, дополненный классовым принципом анализа целей и задач

Соловьев Константин Анатольевич — доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова.

государственного управления, сохранился и в XX в.⁵ Кроме того, многим авторам, начиная с Н.М. Карамзина, важно было дать психологическую характеристику лиц, занимающих ключевые посты в системе управления⁶.

Вместе с тем сам процесс управления, понимаемый как последовательность решений, принимаемых высшими должностными лицами государства и органами власти, в полной мере не изучен. Здесь перед исследователем встает комплекс вопросов, из числа которых лишь два нашли свое отражение в отечественной литературе. Первый: кто (как в социальном отношении, так и персонально) составлял правящий слой Российского государства во II пол. XV в.? Второй: в чьих интересах принимались управленческие решения? Но в характеристике как системы, так и процесса управления не менее важны вопросы о том:

- кому принадлежала инициатива в принятии решений?
- какие должностные лица и/или органы принимали участие в выработке и принятии каждого конкретного решения?
- в каких формах (в том числе церемониальных) проходили подготовка, обсуждение и принятие решений?
- каким образом оформлялось принятое решение?
- какими средствами принятое решение доводилось до сведения населения?

Именно эти вопросы применительно к деятельности великокняжеского Совета, органа управления наследуемого московскими государями от прежних времен, станут предметом изучения в данной статье. Ответ на эти вопросы поможет, на наш взгляд, более точно представить себе характер управления в России в период становления национального государства. Источником получения сведений о том, как принимались государственные решения, в данном случае должно служить летописание (в первую очередь летописные своды, составляемые при дворе великого князя московского в конце XV — первой трети XVI вв.⁷). Дополнительную информацию можно получить из актовых материалов, публицистических произведений и записок иностранцев о России конца XV — начала XVI вв.

Прежде всего попробуем определить, сохранились ли при дворе государя всея Руси традиции принятия управленческих решений, выработанные в древности. Не секрет, что преемственность власти московских государей от великих князей Киевских и Владимирских стала одной из главных идеологических опор власти Ивана III и его потомков. Кроме того, в соответствии с общим для всего Средневековья характером традиционалистских воззрений на управление, действия власти «по ста-

рине» придавали ей дополнительную легитимность, даже если эта «старина» становилась лишь едва различимым фоном управленческой практики⁸.

В Древней Руси наиболее важные решения принимались князем после совещания с кругом лиц, имеющих влияние на политику князя вследствие:

- родственных отношений — мать, жена, совершеннолетние братья и племянники;
- духовного звания — митрополит (епископ) и/или собор церковных иерархов;
- положения при княжьем дворе и в большой дружине князя — бояре, воеводы;
- положения в городском вечевом самоуправлении — тысяцкий, сотские, старосты.

Состав таких совещаний и сама процедура находили свое отражение в тексте грамот, составляемых при княжеском дворе⁹. Принятие управленческих решений с нарушением данной процедуры (например, совещание лишь с «отроками» — младшей дружиной) осуждалось общественным мнением, что наглядно отразилось в некрологе великого князя Киевского Всеволода Ярославича, отца Владимира Мономаха: «...се же Кыеве княжа быша ему печали больше паче неже сеядше ему в Переяславле. ...Приспевавше старость к сим и нача любити смысл юных, совет держа с ними. Си же начаша заводити и негодовати дружины своя первыя. И людей не доходити княже правды. Нача те юные грабити людей и предавати»¹⁰.

Принятие решений княжеским Советом — самая устойчивая форма управления, корни которой уходят в догосударственную эпоху. Она впитала в себя традиции родового, дружинного и вечевого управления, адаптируя их к условиям существования ранней государственности. Позже, в период раздробленности и под властью Орды, княжеские совещания сохраняли свою роль в качестве легитимного способа принятия управленческих решений¹¹.

Во II половине XIV в. при ликвидации московскими великими князьями вечевого самоуправления главными действующими лицами в Совете стали бояре. Не случайно в «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» помещена апология боярства. «Бояр своих любите, честь им воздавайте по достоинству и по службе их, без согласия их ничего не делайте»¹², — такой наказ дает великий князь своим наследникам.

В летописании, посвященном периоду становления самостоятельного российского государства, а этот период совпадает

с годами правления Ивана III (1462—1505), мы находим несколько указаний на сохранение роли совещаний при великом князе в качестве легитимной формы принятия решений. Однако упоминания о таких совещаниях встречаются не часто и лишь в связи с обсуждением наиболее важных вопросов. Обозначим их в хронологическом порядке.

1464 г. Решение «отпустить» язанского князя в его отчину

Рязанский князь Василий Иванович с восьми лет, со времени смерти его отца, воспитывался при московском великокняжеском дворе, что дало возможность отцу Ивана III, Василию II Темному, управлять Рязанским княжеством, послав туда «наместники своя»¹³. Предоставление князю Василию права вернуться в Рязань и править в ней самостоятельно стало первым крупным государственным поступком нового великого князя Московского и всея Руси Ивана III.

Инициатива. Она исходит не от великого князя. Достигнув совершеннолетия, Василий Иванович, вероятно, обратился с просьбой к Ивану III разрешить ему вернуться в Рязань. Традиция предписывала обращаться к великому князю через посредничество приближенных к нему лиц: родственников, митрополита, ближних бояр. Схожая ситуация возникла в 1480 г., когда «отъехавшие» от великого князя два его брата — Андрей Большой и Борис — предложили помощь в борьбе с ханом Ахматом: «приидоша на Москву послы братии его, княже Андреевы и княже Борисовы о миру. Князь же великий Иван Васильевич жаловал братью свою, по печалованию отца своего митрополита Геронтия и матери своей великия княгини инокини Марфы и архиепископа Ростовьскаго Вассиана и князя Михаила Андреевича...»¹⁴. Способ принятия решений по ходатайству кого-либо из приближенных к государю лиц отражен и в «Жалованной меновой и отводной грамоте» великого князя Ивана Васильевича, данной племянникам, князьям Волоцким: Федору и Ивану Борисовичам¹⁵.

Состав. В летописании говорится: «Князь великий Иван и мати его великаа княгини Марья отпустили князя Василия Ивановича на Рязань, на его отчину, на великое княжение»¹⁶. Назвать совместное решение великого князя и его матери полноценным княжеским Советом вряд ли возможно. Но все остальные признаки выработки государственного решения методом совещания у него имеются.

Процедура. Она может быть реконструирована. Термин «отпустил» применялся в летописании также к иностранным послам, чей срок пребывания в Москве истек, и в определенных случаях — к отправлению войск. В данном случае, безусловно, ближе ситуация с посольством. Благодаря путевым запискам Амброджо Контарини, посла Венеции, отправленного в Персию и волею судьбы оказавшегося в Москве, нам известна процедура «отпускания посла».

Контарини, долго ждавший разрешения на отъезд из Москвы, беседовавший с Иваном III и получавший от него подарки, был приглашен на обед к великому князю. «По окончании обеда, — пишет Контарини, — мне предложили встать из-за стола и подойти к его высочеству, который громким голосом, чтобы все слышали, объявил мне о своем решении отправиться в путь... Затем мне была преподнесена большая серебряная чаша, полная медового напитка... Я поцеловал руку его высочества и ушел с добрыми напутствиями. Многие его бароны проводили меня до лестницы и облобызали с проявлениями большого доброджелательства»¹⁷.

Итак, мы видим, что процедура «отпускания» архаична и восходит к дружинным пирам начальных веков существования древнерусского государства. Ее основные элементы:

- обед («пир») в присутствии большого количества бояр (которых Контарини называет «баронами»);
- формальное («громовым голосом») объявление о принятом решении «отпустить» посла;
- преподнесение «дара на пиру» — чаши с медом; при этом мед необходимо выпить, чашу оставить себе;
- целование руки в качестве церемонии прощания;
- «провождение» боярами посла до выхода из дворца.

«Отпускание» рязанского князя Василия Ивановича, вероятно, происходило по схожей процедуре, дополненной, скорее всего, религиозной церемонией — обедней и посещением московских храмов.

Исполнение. Решение о предоставлении рязанскому князю права на самостоятельное управление в его «вотчине» было увязано с женитьбой Василия Ивановича на сестре Ивана III. Соответственно «И тоя же зимы генваря месяца приеде на Москву и понят за себя сестру великого князя именем Анну...»¹⁸.

1465 г. «Поставление» митрополита Филиппа

Избрание митрополита Филиппа всея Руси Освященным собором — третья в истории российской автокефалии. Первый

раз в 1449 г. при поставлении митрополита Ионы имя великого князя в официальном летописании упомянуто не было. Второй раз (1461 г.) при выборах Феодосия великий князь не упомянут напрямую, но назван в грамотах, присланных на Собор, не приехавшими в Москву иерархами: новгородским архиепископом Ионой и тверским владыкой¹⁹.

В 1465 г. картина совсем иная: «Князь же великий Иван посла по братию свою и по вся епископы земли своа, такоже по архимандриты и игумены честныа. И якоже снисдошася князи, брата великого князя, и вси епископи земли Русьския и весь Освященный собор, архимандриты и игумены и протопопы и прочие священници, изволением же великого князя и его братии и всех епископов бывших тогда на избрании том, и всего священнаго собора избраша Суздальскаго епископа Филиппа быти митрополитом всеа Руси»²⁰.

Инициатива. Освященный собор собирает великий князь. Формально инициатива его, но это действие имеет процедурный характер. После того как митрополит Феодосий покинул свой пост и ушел в монастырь, других действий, кроме созыва собора предпринять было невозможно и другого должностного лица, имевшего право созвать иерархов в Москву, не было.

Состав. Отметим, что решение важно для государства, но все же имеет церковный характер. Поэтому среди участников совещания при великом князе названы его братья — удельные князья, но не упомянуты мать Ивана III, его бояре и воеводы²¹. Это первое упоминание удельных князей при описании деятельности Освященного собора и великокняжеского Совета Ивана III.

Процедура. Все собравшиеся высказывались лично, те, кто не смог приехать по тем или иным причинам, «прислаша послы и грамоты». Таким образом, высказывать свое мнение допускалось в устной и письменной форме. Решение было принято единогласно: «подписашася вси за един»²². Правда неясно, относится ли глагол «подписашася» к тем, кто не приехал, или он обозначает составление грамоты об избрании, в которой все присутствующие ставили свои подписи? Но если сопоставить это поставление с другим — митрополита Геронтия (о чем — ниже), то предпочтительнее первое из этих объяснений.

Исполнение. Избрание завершилось «поставлением» митрополита — необходимой в данном случае церковной процедурой.

1468 г. Совещание во Владимире

Собственно в качестве такового оно в летописании не фигурирует. Летописи просто сообщают, что «князь великы за три

недели до великого заговенья поиде к Володимерю, а с ним братия его, князь Юрьи, да князь Борис, да сын его князь Иван, да князь Василей Михайлович Верейский, и вси князи их и бояря и воеводы со всеми людми; а князя Андреа Большого оставил князь велики на Москве, да и другого князя Андреа Меньшого»²³. Но если учесть, что в следующем году был предпринят большой поход на Казань, в котором помимо войск великого князя участвовали и войска его братьев, упомянутых в приведенной цитате, и войска Василия Михайловича Верейского, то характер сбора князей и воевод во Владимире становится вполне очевидным²⁴. Кроме того, Типографская летопись прямо указывает на то, что распоряжения о походе войск на Казань были сделаны именно во Владимире²⁵.

Инициатива. Сообщение о поездке во Владимир максимально обезличено. Ясно, что это не ответ на вылазки со стороны Казани. По всей видимости, здесь инициатива исходит от самого великого князя. Однако она не нашла своего отражения в летописании.

Состав. В принятии решения о походе на Казань задействованы только те, кто связан с воинской организацией московского государства: старший сын великого князя, удельные князья, служилые князья, бояре и воеводы. Не упомянуты представители церкви.

Процедура. Не указана. Но, вероятнее всего, она была такой же, как в совещаниях 1480 г., когда к Москве шли войска хана Ахмата.

Исполнение. Следствием принятого решения стало отправление «судовой рати» и конных войск²⁶.

1469 г. Совещание о сватовстве Ивана III к царевне Софье

Инициатива. Предложение о браке исходит от папского двора. «Грек Юрий» привез в Москву письмо от кардинала Виссариона. В нем содержалось предложение о браке Ивана III и Софьи: «Аще восхощеша ея, то аз учиню ея в твоём государстве, а присылалися у ней король Франчюжски и князь велики Мелеянски, но она не хочет в Латынство»²⁷. Затем в Москву с предложением свадьбы прибыли брат и племянник московского денежника Ивана Фрязина.

Состав. Дело государственной важности и в то же время семейное. Участвуют в Совете: митрополит, мать великого князя и бояре²⁸. Не упомянуты: братья (удельные князья), служилые князья, воеводы. Не упомянут и старший сын великого князя

зя Иван Иванович Молодой, который через два года будет объявлен великим князем и соправителем отца.

Процедура. Судя по тому, что в летописании приведена устойчивая формула обсуждения государственных вопросов, «подумав о сем», означает, что было проведено официальное заседание, а не ряд частных бесед.

Исполнение. «...и тоя же весны Марта 20, послал Ивана Фрязина к папе Павлу...»²⁹. Необходимо отметить, что сватовство к Софье — единственный случай, в котором отправление послов увязано с совещанием великокняжеского Совета. Во всех остальных случаях послы отправлялись только и исключительно от имени государя всея Руси.

1471 г. Первый поход на Новгород

В летописании принятию решения о походе на Новгород предшествует большой фрагмент, посвященный его обоснованию. В этом фрагменте описываются события в Новгороде, произошедшие после смерти архиепископа Ионы. Часть новгородцев, «всколебашися яко пьяны», выступили на вече за короля Литвы Казимира и за избрание архиепископом «латынянина», креатуры литовского митрополита Григория, «называющего себя митрополитом Руси»³⁰. В этом фрагменте, занимающем шесть страниц летописного текста «Московского летописного свода конца XV века», четыре раза дается ссылка на традицию управления Новгородом, восходящую к глубокой древности, упоминаются Рюрик, Владимир Святой, Всеволод Большое Гнездо, а также отец Ивана III, великий князь Василий Васильевич. Этой постоянной отсылкой ко многим поколениям великих князей обосновывается право московского государя «жаловать», но и «казнить... коли на нас не по старине смотреть начнете»³¹. Кроме того, в «Послании митрополита Филиппа в Новгород», помещенном в Никоновской летописи, говорится о необходимости «по древнему пути отец своих ходити и житии в прежнем си благочестии и тишине»³².

Инициатива. Принимаемое решение становится ответом на нарушение «старины» новгородцами. Само решение о военном походе формируется в системе: вызов — ответ и не является, в полном смысле этого слова, инициативой великого князя. Оно — лишь вынужденная ответная мера, обусловленная нарушением «старины», то есть прежних устойчивых связей в управлении Новгородом, которые требуется восстановить³³.

Решение о походе на Новгород принималось на двух разных по составу, поставленным вопросам и процедуре совещаниях.

На *первом заседании* (малый Совет) принимается ключевое решение — действовать по отношению к Новгороду силой. Вот как это фиксируется летописанием: «И много мыслив о сем, и тако возвещает о сем отцу своему митрополиту Филиппу и матери своей великой княгине Марии и сущим у него бояром его, что ийти на Новгород ратию»³⁴.

Состав. Следует обратить внимание на несколько черт, выделяющих специфический характер принимаемого решения. Во-первых, Иван Иванович Молодой, ставший официальным соправителем отца, в составе совещания не указан. Во-вторых, братья Ивана III не приглашены. В-третьих, в совещании принимают участие «сущие» в то время при дворе великого князя, т.е. далеко не все из тех, кто имел на это право, а лишь те, кто был в данный момент в Москве.

Процедура. Здесь совершенно изменена формула совещания по отношению к прежним. Раньше великий князь «думал» с участниками совещания, т.е. выслушивал их мнение. На этом совещании он «возвестил» собравшимся свое решение, а те «слышавшее сие советуют ему, упованье положив на Бозе, исполнити мысль свою над Новгородци за их неисправление и отступление»³⁵.

Таким образом, в данном случае великокняжеский Совет меняет свой характер. Во-первых, принимая политическое решение, великий князь не выслушивает мнения всех, кого это касается по их положению в государстве. Во-вторых, решением Совета он лишь оформляет то решение, которое уже принял.

Исполнение. Формула «упованье положив на Бозе» в летописании означает принятие решения о военных действиях. Но для его исполнения понадобилось провести еще одно совещание.

Второе совещание (большой Совет) имеет служебный характер. Его задача — обсудить, как выполнить принятое политическое решение о военном походе на Новгород.

Состав. «И в той час князь великий разосла по всю братию свою, и по все епископы земли своя, и по князи и по бояра свои, и по воеводы и по вси воя своя»³⁶. Состав этого совещания совпадает с тем, что проводилось во Владимире при выработке плана похода на Казань с добавлением к нему Освященного собора, т.е. собрания всех церковных иерархов. Таким образом, у второго совещания две задачи. Первая задача — политическая — дополнительно легитимизировать решение Ивана III о военном походе на Новгород. Вторая — практическая, поскольку на совещании обсуждается вопрос военной тактики: «...и якоже вси снидошася к нему, тогда всем возвещает мысль свою, что ити на Новгород ратию (...): «но пойти ли ныне на них, или

не пойти? понеже летнее уже время, а земля их многие воды имать около себе, и езера великие, и реки, а болота многи и зело непроходимы; а прежнии велиции князи о то время на них не ходили, а кто ходил, тот люди многие истерял»³⁷.

Процедура. Здесь совмещены две процедуры: та, что использовалась на первом заседании (великий князь «возвещает» о своем решении), и более традиционная: «И мысливше о том не мало и конечное положише упование на Господа Бога и пречистую Матерь Его». Глагол «мысливше» отчетливо указывает на устное обсуждение всеми присутствующими вопроса о возможности немедленного похода.

Исполнение. В этом случае указана процедура перехода от принятия решения к его исполнению: «И князь великы прием благословенье от митрополита Филиппа, тако же и от всех святитель земли своя и от всего священного собора, и начат вооружаться ити на них, тако же и братья его и вся князи его и бояря и воеводы и вся вои его»³⁸.

Как представляется, принятие решения о военном походе на Новгород в том виде, в каком оно зафиксировано летописанием, является данью управленческой традиции, необходимой для легитимации мер, необходимость которых стала очевидной для Ивана III еще до первого из этих двух совещаний. В этой связи первое совещание было декоративным, а второе — политическим и техническим. Великому князю действительно было важно услышать мнение опытных полководцев о том, можно ли действовать против Новгорода летом. Кроме того, ему необходимо было получить поддержку удельных князей и получить их войска, а этого простым распоряжением добиться было нельзя.

1471 г. Челобитье новгородцев

Великий князь после победы над новгородцами стоит лагерем в устье р. Шелоны. Туда прибывает посольство из Новгорода: архиепископ Феофил «с посадниками и с тысяцкими и с житьими людьми со всех конец»³⁹.

Инициатива. Исходит от побежденных при Шелони новгородцев. Их челобитье с просьбой о милосердии: «не велел бы боле того казнити и грабити и жещи и пленити», подкреплялось шестьюдесятью тысячами новгородских рублей серебром⁴⁰.

Состав. Совет походный, соответственно в нем принимают участие братья и бояре великого князя из тех, кто находился с ним в войске.

Процедура. При описании ходатайства новгородцев процедура представлена подробно. Сначала представители Новгорода бьют челом «братии великого князя», т.е. князьям Юрию, Андрею (Большему) и Борису Васильевичам, а также князю Верейскому Михаилу Андреевичу «с сыном» (Василием Михайловичем) и боярам, имена которых не названы. Вслед за этим князья и «бояре вси» били челом великому князю. Новгородские послы первоначально находились вне помещения, в котором происходил Совет. И только выслушав братьев с боярами, московский государь «велел тому нареченному чернцу Феофилу и посадником и тысяцким и прочим быти себе на очи»⁴¹.

Исполнение. После личного челобитья допущенных к государю послов он «показа к ним милость свою и прият челобитье их и утоли гнев свой в той час повеле перестати жечи и плени...»⁴².

1472 г. Второе совещание о сватовстве к царевне Софье

«Князь велики обмыслив со отцем своим митрополитом и с матерью своею великою княгинею Мариею и братиею и з бояры своими, и послаша Фрязина Ивана в Рим по царевну Софию с грамотами и посольством к папе да к кардиналу Висариону»⁴³. Совещание имеет технический характер. Если первое совещание приняло решение вести переговоры о браке, то второе — направить посольство за невестой. Соответственно можно говорить об *инициативе* со стороны великого князя как об одном из элементов процедуры сватовства. В летописном отчете об этом совещании великокняжеского Совета в *составе* указаны братья великого князя, не присутствовавшие на первом совещании. Кроме того, в связи с тем что при составлении грамот ошиблись в имени нового папы, поставив имя Калист, а не Сикст, известно, что *процедура* данного совещания предусматривала оформление решения в грамотах, написанных отдельно каждому из тех, кого это дело затрагивало, в данном случае папе Сиксту и кардиналу Висариону.

1473 г. Совещание о латинском кресте

Рассматриваемый на этом совещании вопрос никакого отношения к государственному управлению не имел. При подъезде к Москве царевны Софьи с сопровождающими великому князю сообщили, что папский легат Антоний идет впереди процессии с «латинским» крестом. Далее сообщается: «Слышав-

ши же се, князь великы начат о сем мыслити с матерью своею, и с братиею и с бояры своими; и начаша иныи “не бранити ему о том”, глаголаху; друзии же глаголаху: “несть сие бывало в нашей земли, что почести бытии Латынской вере...”⁴⁴. Все содержание совещания составляет вопрос: разрешить кардиналу Антонию нести перед собою четырехконечный («латинский») крест или нет.

Инициатива. По смыслу летописного сообщения принадлежит самому великому князю.

Состав. В составе Совета не упомянут великий князь Иван Иванович Молодой, соправитель отца. Это, возможно, объясняется традиционностью примененной формулы перечисления присутствующих. Но вот что удивляет: при обсуждении вопроса о религиозных символах в Совет великого князя не приглашен митрополит. Только после того как в Совете мнения разошлись, великий князь обратился к митрополиту за разъяснениями, а тот потребовал крест убрать⁴⁵.

Процедура. В данном случае летописание предоставляет возможность узнать больше о том, как проходил Совет. Судя по тому, что в летописной записи приведены пусть очень короткие отрывки из речей, их содержание было записано. Соответственно мы можем с осторожностью говорить о том, что на совещании велись протокольные записи.

Исполнение. «Слышав же сие князь великы от святителя, посла к тому лягату, чтобы не шел перед ним крыж, но повеле скрыти его»⁴⁶. Таким образом, великий князь принял решение не в Совете, где выступили друг против друга сторонники и противники оказания почестей папскому легату, а позже, под явным давлением митрополита.

1473 г. Выборы митрополита Геронтия

Инициатива. Великий князь «посылает по братию свою и по вся епископы земли своеа, возвещая им отца своего Филиппа митрополита представление». Это именно то, что требуется в данной ситуации, не больше и не меньше. Но в летописном тексте появляется одно добавление: «а им всем веля у себя быти на Георгиев день». Это «веля», появляющееся в первый раз в летописях, отражающих официальную позицию московских государей⁴⁷, подчеркивает роль великого князя не столько в поставлении митрополита, сколько в государственном управлении в целом.

Инициатива. Процедурно исходит от великого князя.

Состав. Те из епископов, кто не мог прибыть, прислали послов с грамотами, в которых была стандартная формула: «Кого восхошет господь бог и пречиста и великие чудотворцы, тако же и великы князь Иван Васильевич и братиа наши епископи, иже о них священный собор, то и всим нам митрополит»⁴⁸. Таким образом, фраза в летописях: «подписащася за един» относится к присланным на Совет грамотам от тех, кто приехать не мог, но чье мнение необходимо было знать.

Процедура и исполнение. Традиционны для решения данного вопроса.

1473 г. Передел вотчин

Информация об этом совещании содержится в Типографской летописи: «...разгневашеся князь Андрей и Борис и Андрей на брата своего великого князя Ивана про отчину брата своего князя Юрья. Князь же великий умирился с ними и дасть Борису Вышегород, Андрею Торусу, а большому Андрею дасть ему мати его великая княгини Марья Романов городок на Волзе и тако целования крест междии собою и разыдошася»⁴⁹.

Инициатива. Исходит от братьев великого князя, недовольных тем, что после смерти князя Бориса Васильевича великий князь забрал себе весь его удел.

Состав. Иван III, три его брата, их мать и (поскольку договор о переделе вотчин завершался крестным целованием) митрополит. О присутствии бояр ничего не сказано.

Процедура. Предположительно она включала высказывание претензий со стороны братьев, принятие решения о компромиссе, составление грамот с указанием передаваемых территорий и церемонию крестоцелования.

Исполнение. «Разыдошася» в летописном тексте означает отъезд каждого из братьев великого князя в свою вотчину с грамотами, по которым в полученные ими города будут направлены наместники.

1477 г. Решение о новом походе на Новгород

В 1476 г. Иван III отправился в Новгород «миром». О том, как было принято это решение, в летописях не говорится ничего. Но вот в следующем году от новгородского архиепископа Феофила прибыли в Москву послы, заявившие, что новгородцы не хотят именовать великого князя «государем», но готовы называть его «господином». Посольству, посланному из Москвы в Новгород за разъяснениями, был дан ответ, что это недо-

разумение «с тем есмь не посылали». Но вслед за тем в Новгороде возникло стихийное вече, на котором убит один из чиновников архиепископа Василий Никифоров, обвиненный в том, что он «переметник, был (...) у великого князя, целовал крест на нас», а вслед за этим убили посадника Захария Овину и его брата Кузьму⁵⁰.

В Москве все эти события были восприняты как мятеж. Великий князь «приходит к отцу своему Геронтию, возвещая ему Новгородское преступление крестного целования (...) то же возвещает и матери своей и братье своей и бояром и воеводам свои, и возверже оттоле на Новгород гнев свой. По благословению же преосвященного митрополита Геронтия всея Руси и еже о нем священного собора архиепископов и епископов и всего священнического чина, также и советом матери своей и братье своей и бояром и воеводам своим, и возверже оттоле на Новгород гнев свой»⁵¹.

Инициатива. Принадлежит великому князю. При этом она воспринимается как ответ на враждебные действия новгородцев.

Состав. Судя по характеру сообщения, выработка решения о походе на Новгород проходила в два этапа. Сначала князь советуется с митрополитом, а затем — отдельно — с Советом: матерью, братьями, боярами и воеводами. Здесь, как и в случае с «латинским крестом», митрополит не входит в состав Совета. Впрочем, при сопоставлении этого сообщения с другими, более точным представляется другой порядок: сначала заседание Совета (возможно, и с участием митрополита), принятие решения, а потом уже проведение процедуры благословения великого князя митрополитом и Освященным собором.

Процедура. Термин «возвещает» не оставляет сомнений в том, что совещание имеет декоративный характер. Решение великий князь принял сам или в совещании с узким кругом доверенных лиц. Митрополит и Совет должны формально одобрить — легитимизировать — принятое решение. Если этот так, то понятно, почему и в этом случае не упомянут Иван Иванович Молодой. Входя в состав ближайшего круга лиц, принимающих решение вместе с Иваном III, он остался «за скобками» формального процесса принятия решения.

Исполнение. Прежде чем отдать приказы о выходе войск, государь получает благословение митрополита «и еже о нем священного собора архиепископ и епископ и всего священнического чина», заказывает молебны в московских храмах и окрестных монастырях и отправляет милостыню по всем монастырям и храмам⁵².

**1480 г. Нашествие хана Ахмата.
Совещание начала июня**

В летописании конца XV в. реакция Ивана III на сообщение о походе Ахмата на Русь выглядит так: «...злоименный царь Ахмат большие орды (...) поиде на православное хретьянство на Русь, на святые церкви и на великого князя, похваляшися разорить святые церкви и все православие пленити и самого великого князя, яко же при Батые быша. (...) Князь же великий Иван Васильевич слышав то нача отпустить к Оце на берег своих воевод с силою, а брата своего Андрея Васильевича Меньшого отпустил в его отчину в Торусу противу им, и потом, сына своего великого князя Ивана отпустил ко Оце же на берег в Серпухов... Царь же идяше медленно, а все короля ожидая, по том же приближающуся к Дону, и князь великий, слыша то поиде сам противу ему к Коломне...»⁵³ В официальном московском летописании первой половины XVI в. известие схожее: «Князь же великий поиди на Коломну, и сам ста на Коломне, а сына своего великого князя Ивана постави в Серпухове, а князь Андрей Васильевич меньшей в Торусе, прочие же князья и воеводы по иным местом у Оки на берегу»⁵⁴.

О том, как принимались эти решения, не сообщается. Между тем приближение войск хана Ахмата было воспринято как бедствие, равное нашествию Батыя, а решение о сопротивлении ему — равным решению великого князя Дмитрия Донского сражаться с Мамаем. Об этом мы можем говорить с полной уверенностью, поскольку в приведенном сообщении «Московского летописного свода конца XV в.» содержится реминисценция на текст «Сказания о Мамаевом побоище»: «Он же безбожный Мамай начат хвалиться и поревновав к (...) царю Батыю, и нача спрашивать старых татар, како царь Батый пленил русскую землю. (...) Слышав же (...) нача глаголити к своим (...) ясаулом, и князем, и воеводам, и всем татаром, яко аз не хочу тако сотворити, яко же Батый»⁵⁵.

Решение такого уровня, требующие сосредоточения максимального количества войск, ранее принято было вырабатывать на заседании великокняжеского Совета. Трудно представить, что в данном случае обошлись без него. В официальном летописании это совещание не отмечено. Но в материалах, имевшихся в распоряжении В.Л. Татищева, описание этого совещания имелось: «Князь же великий, слышав сие на себя восстание и возложись на господа бога, начат з дядею своим князем Михаилом Андреевичем Верейским, и с матерью инокою Марфою, и митрополитом Геронтием, и со всеми бояры и положиша тако:

на Оку к берегу послати сына своего великаго князя Ивана Ивановича да брата Андрея Ивановича Меньшаго и с ними князей и воевод с воинством»⁵⁶. И если отправление войск Ивана Ивановича Молодого пришлось на 8 июня (а ему предшествовал отъезд Андрея Меньшого)⁵⁷, то заседание Совета должно было состояться за несколько дней до этого, в первую неделю июня 1480 г.

Инициатива. У великого князя. При этом созыв Совета — ответная реакция на нападение со стороны хана большой Орды. По-прежнему действует правило: вызов — ответ.

Состав. Два брата великого князя — Борис и Андрей Большой — участвовать в Совете не могли, поскольку находились в конфликте с великим князем и в бегах. В числе участников совещания не упомянуты Иван Иванович Молодой и брат государя Андрей Меньшой. Отсутствует указание на участие в Совете воевод.

Процедура. Не указана. Отметим все же порядок, в котором перечисляются те из участников совещания, кто назван поименно, не тот, что во втором совещании, состоявшемся 30 сентября, по приезде Ивана III в Москву из Коломны. Князь Михаил Андреевич Верейский здесь поставлен на первое место.

Исполнение. «Князь же великий Иван Васильевич по совете начат отпусчати в Оце на берег своих воевод с силою, а брата своего князя Андрея Васильевича Меньшаго опустил в его очину в Торусу, против же им»⁵⁸. В изложении Татищева отправка войск к Оке выглядит как прямое следствие решений великокняжеского Совета.

1480 год. Нашествие хана Ахмата. Совещание 30 сентября

Это совещание отмечено во всех официальных летописях. Ссылка на него содержится также в «Послании на Угру» ростовского архиепископа Вассиана. Совещание проходило в ситуации, когда войска хана Ахмата вышли к реке Угре. Существовала угроза соединения ордынских войск с армией короля Польши и великого князя Литвы Казимира. Не ясно было, как поведут себя братья московского государя Андрей и Борис, «отъехавшие» от государя. Иван III, опасаясь повторить судьбу отца, попавшего в казанский плен, вернулся из Коломны в Москву «на совет и думу»⁵⁹.

Инициатива. Самый явный случай проявления личной (а не церемониальной, как в вопросе о выборах нового митрополита) инициативы великого князя. Необходимость в проведении Со-

вета была определена не получением новой информации о противнике, а личными колебаниями государя.

Состав. «Московский летописный свод конца XV века» в числе участников Совета называет митрополита Геронтия, мать великого князя «иноку Марфу», дядю великого князя Михаила Андреевича Верейского и «всех своих бояр, все бо тогда беша в осаде на Москве»⁶⁰. Воскресенская и Никоновская летописи добавляют к числу участников Совета ростовского архиепископа Вассиана Рыло⁶¹. Не принимали участие в Совете два брата великого князя — Андрей Большой и Борис. Они лишь прислали своих послов с ходатайством «о миру». Князь Андрей Меньшой и великий князь Иван Иванович Молодой с воеводами остались на Угре, что особо оговаривается в Софийской второй летописи⁶².

Не очень ясно, как понимать выражение «всем своим бояром». К боярам-наместникам, находившимся в других городах, и боярам — воеводам, оставшимся на Угре, оно относиться не может. На совещании не присутствовали также два боярина, отправленные с великой княгиней Софьей и казной в Белоозеро — Василий Борисович Тучко Морозов и Андрей Михайлович Плещеев⁶³. При описании Совета на Шелони тоже использовалось выражение «вси бояре». Здесь ситуация схожая — Совет во время военных действий. Вероятнее всего, речь идет о формуле, обозначающей всех, кто в данный момент находился при великом князе.

В «Послании на Угру» архиепископа Вассиана состав Совета обозначен обобщающей традиционной формулой: «И ты, государь, приехал в царствующий город Москву за помощью и заступлением ко всемилостивой госпоже богородице и к святым чудотворцам, к отцу митрополиту, и к матери своей, великой княгине, к благоверным князьям и богобоязненным боярам, за добрым советом...»⁶⁴.

Процедура. В летописях она описана фразой: «и молиша его великим молением, что бы стоял крепко за православное христианство противу бесерментсву»⁶⁵. В «Послании на Угру» говорится: «Ты, государь, повинуюсь нашим молениям и добрым советам, обещал крепко стоять за благочестивую нашу веру православную и оборонять свое отечество от басурман»⁶⁶. Соответственно можно предположить, что на вопрос Ивана III, не следует ли отступить на север, сдав Москву, прозвучали единоголосные выступления с «молением», а по сути с требованием сражаться.

Исполнение. Третьего октября Иван III отправился из Москвы, оставив «в осаде» митрополита, мать, дядю Михаила Анд-

реевича Верейского и московского наместника, боярина Ивана Юрьевича Патрикеева. Расположившись в Кременце, он «отпустил» свои воска к Ивану Ивановичу Молодому и Андрею Васильевичу Меньшому на Угру. Однако это решение исполнялось не долго. Послушав «злых человек сребролюбцев богатых и брюхатых, предателей христианских», великий князь вновь приехал в Москву, встретился с митрополитом и Вассианом, уехал в Красное село, затем повелел войскам отойти от берегов Угры и собраться в Боровске. Другими словами, великий князь метался, не зная, какое решение принять.

Советники великого князя, которые подбивали его отказаться от сражения и отступить от Угры, названные во Второй Софийской летописи «боярами»⁶⁷ — Иван Васильевич Ощера и Григорий Андреевич Мамон, в то время не были даже окольными⁶⁸. Почему их слова перевесили на какое-то время мнение всех участников двух совещаний великокняжеского Совета, вследствие чего архиепископу Вассиану пришлось обзывать Ивана III, своего духовного сына, «бегуном» и прилюдно его стыдить⁶⁹, на этот вопрос ответа в источниках нет. Известно лишь, что московский государь совершил ряд поступков, отменяющих все те решения, которые были приняты по результатам совещания 30 сентября. И это, несмотря на то что, стоя на Угре, получил и соборное послание иерархов церкви, и послание Вассиана с мольбами быть стойким и выполнить все обещания, данные в Совете, несмотря на отказ сына — Ивана Ивановича Молодого — выполнять распоряжение отца об отступлении⁷⁰.

1482 г. Распря Ивана III с митрополитом

Это совещание можно отметить лишь как гипотетическое. Официальные летописи молчат о двух конфликтах 1482 г. между московским государем и митрополитом Геронтием. Рассказ о них содержится в Софийской II летописи. Первый конфликт возник из-за того, что при освещении одной из церквей митрополит «не по солнцу ходил со кресты около церкви»⁷¹. Великий князь заявил, что это неправильно и запретил освещать таким образом другие, построенные в этом году церкви. Митрополит «съехал» в село Симонова «посох свой остави»⁷².

И далее в летописи содержится сообщение, которое можно трактовать как состоявшееся совещание великокняжеского Совета по вопросу о том, как разрешить разгоревшийся конфликт. Вот оно: «...все священники и книжники, и иноки, и миряне по митрополите глаголаху, а по великом князе мало их, един

владыка Ростовский князь Асаф да архимандрит чудовский Геннадеи»⁷³. Однозначной трактовке сообщение не поддается. Понять слово «глаголаху» — говорили, можно и как речи в Совете, и как обсуждение случившегося в церковной среде, а также при дворе. Но отвергать возможность проведения Совета нельзя. Поэтому дадим ему обычную характеристику.

Инициатива. Исходит от великого князя, которому необходимо разрешить конфликт. Но ситуация для созыва Совета традиционная: вызов — ответ.

Состав. «Все священники» (если заседание Совета проводилось) означает Освященный собор. «Книжники и иноки» — эксперты-богословы, чье мнение было выслушано. Это обычная процедура. Так, участие в Освященном соборе, разбиравшем дело «жидовствующих» в 1491 г., приняли «пустынницы и добродетельнии старцы Паисия и Нил (...) и вщеницы и дяконы и старцы и прочий весь священный собор Руския метрополия»⁷⁴. «Миряне» — члены семьи великого князя и бояре, чье участие во втором конфликте, вызванном несправедливыми, с точки зрения митрополита, действиями архимандрита чудовского монастыря Геннадия, отмечено той же летописью⁷⁵. Есть основания причислить к участникам совещания сына Ивана III, Ивана Ивановича Молодого.

Процедура. Гипотетически она выглядит так: формулировка вопроса Иваном III — высказывания экспертов — речи участников Совета — зачитывание грамот, присланных теми, кто не смог явиться, — принятие решения великим князем. Итогом совещания стало решение (четко зафиксированное летописью) признать правоту митрополита.

Исполнение. Князь отправляет к митрополиту сына с просьбой вернуться на престол. Митрополит отвечает отказом. Тогда «князь же велики сам ехав и би ему челом, моля, да возвратится на стол свои. А сам во всем виноват сътворишь, а митрополита же во всех речех обещаешь слушати...»⁷⁶.

1483 г. Постановление архиепископа Новгородского Сергия

Совещанием великокняжеского Совета это событие назвать без серьезных натяжек нельзя. Но все же некоторые элементы его присутствуют.

С давних времен особую привилегию Новгорода составляло право выбирать архиепископа, а не получать его от митрополита, как было во всех остальных епархиях. Древняя процедура предусматривала выбор на вече трех кандидатов в архиепи-

скопы; жеребьевку среди них («божий суд») и утверждение избранника великим князем и митрополитом.

Но после 1478 г. поставление архиепископа Новгорода по «отеческой традиции» было невозможно: ликвидировав новгородское вече, Иван III уничтожил и прежнюю процедуру. Необходимо было создавать новую. Вот как она представлена в летописании: «...князь велики Иван Васильевич всея Руси, да сын его князь велики Иван Иванович всея Руси, обмысля с своим отцем митрополитом Геронтием и с архиепископом Ростовским с Асафом и с Семеном епископом с Сарским, положиша жребий на престол, Елисея Архимандрита Спасского, да Геннадия архимандрита Чудовского, да Сергия старца Троицкого бывшего протопopa Богородицкого, на архиепископство в Великий Новгород. И митрополит сам служил со всеми с теми епископы и со архимандриты, и вынялся жребий Сергиев...»⁷⁷ Таким образом, великий князь, сохранив особую процедуру поставления новгородского архиепископа, присвоил ее, подчеркнув лишней раз свое право на управление в Новгороде.

Инициатива. Без сомнения, она принадлежит Ивану III, на что указывает текст летописной записи.

Состав. Если для выборов митрополита великий князь созывал Освященный собор, то в совещании о выборе кандидатов на пост новгородского архиепископа приняли участие великие князья-соправители (Иван III и Иван Иванович Молодой), митрополит, доверенные архиепископ и епископ. Обращает на себя внимание указание на персональное участие в совещании Ивана Ивановича Молодого, что, возможно, объясняется возрастанием его роли в государственном управлении после событий 1480 г. В совещании не принимают участие братья великого князя, вероятно, по тем же причинам, по которым не собирався Освященный собор.

Процедура. Включает в себя три последовательных действия. Первое — собственно совещание, на котором принимается решение о кандидатурах на новгородское архиепископство. Второе — церковная служба. Третье — «божий суд» по жребию.

Исполнение. Предопределено характером решения.

1497 г. Судебник

О том, как принималось решение о создании общерусского судебного кодекса нам известно, прежде всего, из титула самого этого документа. Там говорится: «Лета 7006-го месяца септемвриа уложил князь великий Иван Васильевич всея Руси с детьми

своими и с бояры о суде как судити бояром и окольничим»⁷⁸. В Типографской летописи, по содержанию которой долгое время судили о том, как был создан Судебник, текст неясен и, как уже доказано при сравнении с двумя краткими летописцами (один из которых — Троицкий — возможный источник Типографской летописи⁷⁹), неполон. В целом же по летописям складывается следующая картина: из имеющихся четырех (включая титул самого Судебника) сообщений, в трех из них (Типографская летопись⁸⁰, Троицкий летописец⁸¹, Краткий летописец⁸²) есть указание на то, что решение было коллективным: прямое в титуле Судебника и Троицком летописце и косвенное в Кратком летописце. Но было ли совещание, на котором принималось решение о разработке Судебника (и введение его в практику управления) великокняжеским Советом, об этом судить крайне сложно.

Инициатива. Информация источников не позволяет определить, кому принадлежала мысль о создании единого для всей страны Судебника. Но процедурно инициатива исходит от великого князя.

Состав. Доверяя тексту самого Судебника, можно сказать, что решение принимали Иван III, его сыновья и бояре. Из числа сыновей Великого князя в работе Совета могли принять хотя бы символическое участие Василий, которому было в то время 18 лет, семнадцатилетний Юрий и четырнадцатилетний Борис. Об участии Дмитрия Ивановича Внука, который через полгода будет объявлен великим князем и соправителем Ивана III, ничего не сообщается. Нет сведений об участии в совещании митрополита или кого-либо еще из духовных лиц.

Процедура указывает на устное обсуждение текста Судебника. Больше ничего сказать нельзя.

Исполнение. На него указывает выражение: «уложил... как судити»⁸³.

Итак, из семнадцати отмеченных в летописании случаев проведения совещаний великокняжеского Совета⁸⁴, решения принимались по следующим вопросам:

— управление территориями, не входившими (в тот момент) в состав великого княжения Московского, — 4 (рязанское княжество и Новгород);

— вопросы церковного характера — 5 (поставление митрополитов и архиепископа Новгородского, конфликт с митрополитом Геронтием, совещание «о кресте»);

— вопросы организации военных действий — 4 (включая второе совещание о походе на Новгород);

- семейные вопросы — 3 (сватовство к Софье и конфликт с братьями);
- создание нового Судебника — 1.

В 11 случаях *инициатива* в проведении совещания Совета принадлежит великому князю, но только в двух из них (Московское совещание 30 сентября 1480 г. и конфликт с митрополитом Геронтием) инициатива исходит от Ивана III персонально. В остальных девяти случаях он действует как должностное лицо, в чьи обязанности входил созыв такого рода совещаний. Еще в шести случаях поводом к созыву совещания становилось обращение к великому князю тех или иных лиц. Выше мы несколько раз обращали внимание на ситуацию вызов — ответ, в которой необходимость в проведении совещания определялась не столько волей великого князя, сколько предшествующими событиями. В целом только два совещания из 17 не отвечают этому критерию. Это совещание 1468 г. во Владимире и совещание 1497 г. о создании Судебника.

Состав Совета менялся от одного совещания к другому. Упомянуты: мать великого князя — 9 раз; братья — 9; митрополит — 8 (причем в двух случаях говорится об отдельных от всего Совета совещаниях великого князя с митрополитом); сыновья — 3, князя Верейские (Михаил Андреевич и Василий Михайлович) — 4; епископы и другие члены Освященного собора — 7, бояре — 12, воеводы — 3. При всей краткости сообщений о составе совета можно сделать вывод о том, что в его совещаниях принимали участие: а) ближайшие родственники — владельцы уделов; б) митрополит и (при необходимости) другие участники Освященного собора; в) бояре великого князя; г) в случае подготовки крупных военных походов — бояре и воеводы удельных князей. При этом в каждом конкретном совещании принимали участие те из очерченных традицией персоналий, кто в данный момент: а) имел непосредственное отношение к теме совещания, б) не был в конфликте с великим князем; в) находился в пределах досягаемости.

Нельзя не отметить, что в летописях часто используется обобщенная формула о проведении совещаний Совета. Многие из участников таких совещаний из-за этого не поддаются учету. Так, если бы состав совещания 1497 г. определялся только по летописям, то сыновья великого князя отмечены бы не были.

Процедура. Устная. В тех случаях, когда инициатива исходит от великого князя, он либо формулирует вопрос, ожидая ответа, либо «возвещает» о своем решении, ожидая его одобрения. Мнения выступающих фиксировались. Отсутствующие на

совещании присылали грамоты с выражением согласия с тем решением, которое будет принято на Совете.

Исполнение. Только Совет, собираемый вместе с Освященным собором и посвященный выборам нового митрополита, принимал решения, обязательные к немедленному и безусловному исполнению. В остальных случаях мнение, вырабатываемое на совещании, становилось лишь ориентиром в политике великого князя. Исполнение же решений Совета определялось дополнительными указаниями великого князя: о посылке войск или посольства со сватовством, о прекращении «жечь и грабить» новгородцев и др. Решение Совета однократно, не имеет силы прецедента и действует лишь до тех пор, пока с ним согласен сам великий князь.

И в заключение еще одно наблюдение. Из 17 упомянутых в летописании случаев, когда решение вырабатывалось великокняжеским советом, 16 приходится на период между 1464 и 1484 гг. В это время только одно крупное государственное решение — объявление Ивана Ивановича Молодого великим князем и соправителем Ивана III — обходится без созыва Совета. После 1484 г. отмечено только одно совещание великокняжеского Совета — по созданию Судебника в 1497 г. Между тем в это время только во внутренней политике принимаются такие важные решения, как присоединение Твери (1485 г.), ликвидация Верейско-Белозерского удела (1486 г.); поставление митрополитами Зосимы (1491 г.) и Симона (1496 г.); арест брата великого князя Андрея Ивановича Большого (1492 г.); венчание Дмитрия Внука великим князем (1498 г.) и его последующая опала, еще одна опала — на наиболее значимых тогда бояр Патрикеева и Ряполовского (1499 г.); объявление Василия Ивановича соправителем и наследником (1502 г.).

В качестве причин, по которым совещания великокняжеского совета выпадают из летописания (а возможно, и не проводятся), можно назвать следующие: смерть в 1485 г. матери Ивана III Марии Ярославны, чье влияние на великого князя было определяющим первые 20 лет его правления; конфликты с митрополитами Геронтием и Зосимой, а в конце XV в. — с представителями крупных боярских династий; неприкрытая вражда между Иваном III и его братьями Борисом Волоцким и Андреем Углицким; смерть великого князя Ивана Ивановича Молодого (1490 г.); нарастающее на этом фоне влияние царицы Софьи, а к концу правления Ивана III и его сына Василия. Совокупное действие этих факторов привело к переориентации в государственном поведении Ивана III — от выработки

ключевых решений Советом к принятию решения в тесном кругу советников, определяемых личным выбором московского государя.

Примечания

¹ См.: *Алексеев Ю.Г.* Государь вся Руси. Новосибирск, 1991; *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982; *Кашианов С.М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967; *Кучкин В.А.* Происхождение русского двуглавого орла. М., 1999; *Пресняков А.Е.* Образование великорусского государства. Пг., 1918; *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV—XVII вв. М., 1975; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980; *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960.

² *Борисов Н.С.* Иван III. М., 2006. С. 571.

³ *Скрынников Р.Г.* Иван III. М., 2006. С. 190; 202.

⁴ См.: *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Лекция XXXVIII. Управление в Московском государстве XV—XVI вв. // Соч.: В 9 т. Т. 2. М., 1988. С. 308—327; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д., 1995. С. 200—205.

⁵ См.: *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988; *Ключевский В.О.* Боярская дума Древней Руси. М., 1994; *Ткаченко В.А.* История России XIII—XVI вв. Московские великие и удельные князья и цари. М., 1998; *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., 1951; *Андреев А.Р.* Первый государь вся Руси Иван Васильевич III. Документальное жизнеописание. М., 2000.

⁶ Вот одна из самых ярких: «при пользовании своими средствами и своим положением Иоанн явился истым потомком Всеволода III и Калиты, истым князем Северной Руси: расчетливость, медленность, осторожность, сильное отвращение от мер решительных, которыми можно было многое выиграть, но и потерять и при этом стойкость в доведении до конца раз начатого, хладнокровие — вот отличительные черты Иоанна III». *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Соч. в XVIII книгах. Кн. III. М., 1989. С. 9.

⁷ Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. XXV. М., 2004; Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. М., 2007; Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV. М., 2000; Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001; Патриаршая, или Никоновская, летопись // ПСРЛ. Т. XII. М., 2000.

⁸ Нельзя не согласиться с замечанием Ю.Г. Алексеева по поводу обоснования действия Ивана III по отношению к Новгороду: Мотив «старинны» — один из наиболее популярных в традиции средневекового мышления, основанного на исконных ценностях, освященных библейским авторитетом. «Старина» отождествляется с правом. Защита «старинны» — правомерное действие, тогда как нарушение ее было нарушением права». *Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы. М., 1992. С. 144.

⁹ Подробно см.: *Соловьев К.А.* Властители и судьи. Легитимация государственной власти в Древней и Средневековой Руси. IX — пол. XV веков. М., 1999. С. 75—77.

¹⁰ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. С. 217.

¹¹ *Черепнин Л.В.* Земские соборы русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 57—58.

¹² ПЛДР. XIV — середина XV в. М., 1981. С. 217.

¹³ ПСРЛ. Т. XXV. С. 275.

¹⁴ Там же. С. 327.

¹⁵ «По благоволению отца нашего Симона, митрополита всеа Руси, мы Иван, божьей милостию государь всеа Руси и великий князь, пожаловали есмь своих братаничев, княжих Борисовы детей Васильевича, князя Федора и князя Ивана. Что нам били челом нашим отцем, Симоном митрополитом, о том, что их села в нашем великом княжестве, Марьинские Голтяевы, и на бы те их села у них выменять...». Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. С. 341.

¹⁶ ПСРЛ. Т. XXV. С. 278; Т. XVIII. С. 217.

¹⁷ Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 231.

¹⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 278.

¹⁹ «Кого восхощет господь бог и пречистая мати его и великии чудотворци и господин наш великии Василеи и братья наша епископи Росстии и иже с ними освященный собор, то и наш митрополит...». ПСРЛ. Т. XXV. С. 276; Т. XII. С. 114.

²⁰ ПСРЛ. Т. XXV. С. 278—279; Т. XII. С. 116.

²¹ Типографская летопись, в основе которой Ростовский свод 1489 г., вообще не упоминает великого князя в числе тех, кто участвовал в поставлении митрополита, называя лишь имена архиепископов и епископов. ПСРЛ. Т. XIV. С. 185.

²² ПСРЛ. Т. XXV. С. 279.

²³ Там же. С. 280.

²⁴ Ю.Г. Алексеев отметил, что Владимир был «естественной базой для войск и в случае оборонительной, и в случае наступательной войны с Казанью» и «обычным местом сбора войск для действий против Казани». *Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы. М., 1992. С. 81; Впрочем, существует и другая точка зрения. Л.В. Черепнин считал, что в организации похода на Казань «отсутствует элемент совещания князя с “землей”». *Черепнин Л.В.* Земские соборы... С. 62.

²⁵ «...пойде великий князь Иван Васильевич в Володимер и отпусти из Володимеря царевича Касима с Татары и воевод своих и с ними полки свои и братья своей полки отпусти (...) х Казани...». ПСРЛ. Т. XXIV. С. 186.

²⁶ «...послал князь великий на Казанские места рать на судах, воевода Консянтин Беззубцев Олександрович, а с ним многие дети боярские, двор свой, также и от всея земли своея дети боярские, изо всех градов своих и изо всех отчин братии своей по тому же; (...) Того же лета князь великий Иван Васильевич всея Руси послал братию свою, князя Георгия и князя Андрея болшого, и князя Василя княже Михайлова сына Андреевича и иных своих воевод со многими людьми на конех ратию к Казани». ПСРЛ. Т. II. С. 121, 123.

²⁷ ПСРЛ. Т. XXV. С. 281.

²⁸ «Князь же великий (...) подумав о сем с своим отцем митрополитом Филипом и с матерью своею и з боляры...». ПСРЛ. Т. XXV. С. 281; Т. XVIII. С. 220.

²⁹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 281.

³⁰ Там же. С. 284, 285.

³¹ Там же. С. 285.

³² ПСРЛ. Т. XII. С. 127—128.

³³ В грамоте посланной Новгороду перед принятием решения о походе говорится: «...яз, князь велики, ни которые силы ни чиню над вами, ни тягости не налагаю выше того, как было при отце моем, великом князе Василье Васильевиче, и при деде моем, и при прадеде и при прочих великих князехи рода нашего, но еще и жаловати вас хочю, свою отчину». ПСРЛ. Т. XXV. С. 285.

- ³⁴ Там же. С. 286.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 286; Т. XVIII. С. 228.
- ³⁹ ПСРЛ. Т. XV. С. 290; Т. XVIII. С. 233.
- ⁴⁰ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 233, 234.
- ⁴¹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 290, 291; Т. XVIII. С. 233.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ ПСРЛ. Т. XXV. С. 293; Т. XVIII. С. 237.
- ⁴⁴ ПСРЛ. Т. XXV. С. 299.
- ⁴⁵ «Князь же великий посла к митрополиту Филиппу, возвещая ему сие». Ответ митрополита был крайне резок: «не мошно тому бытии, кое в град сыи ему внити (...) аще ли тако учиниши почтить его хотя, но он в врата граду, а яз, богомолец твои, другими враты из града...». Там же.
- ⁴⁶ Там же. А Софийская вторая летопись добавляет к тому: «...посла князь велики боярина своего Федора Давыдовича противу и повеле крыж у лягатоса отнявши да и в сани положити...». ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. С. 214.
- ⁴⁷ ПСРЛ. Т. XII. С. 154; Т. VIII. С. 178.
- ⁴⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 301.
- ⁴⁹ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 194.
- ⁵⁰ Там же. С. 309 и 310.
- ⁵¹ Там же. С. 310.
- ⁵² Там же. С. 310 и 311.
- ⁵³ ПСРЛ. Т. XXV. С. 327.
- ⁵⁴ ПСРЛ. Т. VIII. С. 205; Т. XII. С. 200.
- ⁵⁵ Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 44.
- ⁵⁶ *Татищев В.Л.* История Российская. Ч. 4 // Собр. соч.: Т. V, VI. М., 1996. С. 69.
- ⁵⁷ ПСРЛ. Т. XXV. С. 327.
- ⁵⁸ *Татищев В.Л.* Указ. соч. С. 69.
- ⁵⁹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 327; Т. VIII. С. 267.
- ⁶⁰ ПСРЛ. Т. XXV. С. 327.
- ⁶¹ ПСРЛ. Т. VIII. С. 206; Т. XII. С. 200.
- ⁶² «Князь же великий сына и брата, и воевод своих на Угру посла со всеми силами, и пришед сташа на Угре (...), а сам князь великий еха с Колмны на Москву...». ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Ст. 291, 292.
- ⁶³ Там же. С. 294.
- ⁶⁴ Памятники литературы Древней Руси. Вторая пол. XV в. (далее — ПЛДР). М., 1982. С. 223.
- ⁶⁵ ПСРЛ. Т. XXV. С. 327; Т. VIII. С. 206; Т. XII. С. 200; Т. VI. Вып. 2. С. 292.
- ⁶⁶ ПЛДР. Вторая пол. XV в. М., 1982. С. 223.
- ⁶⁷ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. С. 306.
- ⁶⁸ *Скрынников Р.Г.* На страже московских рубежей. М., 1986. С. 35.
- ⁶⁹ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. С. 307.
- ⁷⁰ «...князь велики к сыну посла грамоты, чтобы час того был на Москве. Он же, мужество показа, брань прия от отца, а не еха от берега, а хрестьянство не выда». Там же. С. 307—308.
- ⁷¹ Там же. С. 313.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же. С. 314.
- ⁷⁴ ПСРЛ. Т. XII. С. 225.

⁷⁵ «Тогда князь велики его (Геннадия — *авт.*) выдал митрополиту, митрополит же его повеле сковати (...). Князь же велики с боярами своими выпечалова его у митрополита. Там же. С. 314.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. XXV. С. 330.

⁷⁸ Судебники XV—XVI вв. М.; Л., 1952. С. 19.

⁷⁹ См.: *Насонов А.Р.* История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969. С. 381; *Сербина К.Н.* Типографская летопись 1528 г. // ВИД. Т. 24. СПб., 1993. С. 225—240.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 213.

⁸¹ *Зиборов В.К., Шибеев М.А.* Русские летописи конца XV—XVI вв. и Судебник 1497 г. // Судебник Ивана III. Становление самодержавного государства на Руси. СПб., 2004. С. 107.

⁸² Там же. С. 116.

⁸³ Там же.

⁸⁴ С учетом того, что решение о походе на Новгород в 1471 г. принималось на двух совещаниях.